

Л. А. Лучинина

АНТРОПОГОНИЧЕСКИЙ МИФ АВАНГАРДА И ПОЭТИЧЕСКИЕ АВТОМЕТАФОРЫ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 17.10.2025 г.

Принята к публикации 28.11.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-3-8

75

Для цитирования: Лучинина Л. А. Антропологический миф авангарда и поэтические автометафоры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2026. №3. С. 75—85. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-3-8.

Представлена попытка осмысления некоторых аспектов антропологического мифа русского авангарда, реализующихся на уровне метафорики авангардных поэтических текстов. В исследовании использован аналитический инструментарий когнитивной теории метафоры; детально проанализирован корпус антропоцентричных метафор, особое внимание уделено автометафорам (метафорам с центральным Я-компонентом). Рассмотрены два наиболее часто реализуемых в поэтических текстах авангарда подхода к метафоризации образа субъекта (Я) — через соотнесение с компонентами ментальной сферы (феноменами сознания / бессознательного) и через приравнение к миру (или фрагменту / компоненту мира). По результатам исследования сконструированы структурные модели метафор, релевантные для описания я-центричных авангардных поэтических текстов: «сознание — это Я», «продукт сознания (мысль) — это Я», «продукт бессознательного (эмоция) — это Я», «пространство мира — это я», «материал мира — это я», «компонент мира — это я». Также сформулированы выводы о специфике конструируемого с использованием автометафор антропологического (автоантропологического) мифа авангарда: к числу наиболее ярких его особенностей относятся рефлексивный характер авторского Я, диффузность границ Я, а также широкая вариативность воплощений Я в пространстве поэтических текстов.

Ключевые слова: авангард, автометафора, я-центризм, онтологические метафоры, антропологический миф

Введение

Идея о существовании (и возможности описания) особого антропологического мифа русского авангарда настолько же привлекательна, насколько и неочевидна (в силу непроработанности проблемы и распространённости представлений об антропологии как продукте исключительно фольклорно-мифологического мышления). Однако рассмотрение представленных в поэтических текстах авангарда метафор с центральным Я-компонентом (которые мы, вслед за Н.Д. Арутюновой,

описываем термином *автометафора* [2, с. 30]), позволяет наметить отдельные «штрихи» к описанию антропогонического мифа авангарда, речь о существовании которого возможна с учетом ряда теоретико-методологических допущений и соотнесений с различными теориями метафоры (когнитивной, лингвистической, мифологической), отдельными позициями когнитивной поэтики и поэтической антропологии. Опишем эти допущения, предваряя, собственно, рассмотрение автометафор и характеристику антропогонического мифа авангарда.

Метафора может рассматриваться как текстообразующий и, шире, мирообразующий механизм — способ языкового осмысления мира; на таком взгляде строится когнитивная теория метафоры. К числу основополагающих работ данного направления относится исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона, посвященное описанию базовых структурных моделей метафор: воспринимаемые как универсальный механизм познания метафоры описываются через систему типичных результатов мировосприятия, «моделирование порождения метафор сводится, во-первых, к фиксации черт сходства сущностей в модели мира и, во-вторых, к процедуре поиска черт сходства между различными сущностями» [14, с. 19]. Линия когнитивных исследований, строящаяся на представлении о метафоре как инструменте познания мира и средстве его объяснения, развивается и в современной когнитивной поэтике: так, расширяя представление о функциях метафоры в поэтическом тексте, Ж.Н. Маслова указывает: «...метафора позволяет включить новый объект в художественную реальность и осмыслить его через категоризацию на основе поэтического сходства» [16, с. 131] — таким образом, метафоре приписывается роль механизма не только описания, но и моделирования мира.

Поэтические тексты русского авангарда, будучи в первую очередь литературным фактом, представляют собой также попытку художественного описания нового взгляда на мир и даже, собственно, попытку художественного моделирования нового мира: «...мы даем мир с новым содержанием», — пишет А. Крученых в «Новых путях слова» [12, с. 40]. Идея миромоделирования в данном контексте не ограничивается стремлением к формированию нового образа мира и конструированию нового художественного пространства, а распространяется и на стремление к отбору новых смыслов, наполняющих пространство мира и порождаемых им. Такая установка, связанная не только с реализацией в тексте художественных идей, но и с репрезентацией познавательных процессов (переосмысления мира), предопределяет возможность использования инструментария когнитивной теории метафоры и когнитивной поэтики в рамках исследования авангардной поэзии.

Наибольшей степенью распространенности в рассматриваемом корпусе поэтических текстов авангарда обладают метафоры онтологического типа, центральным компонентом которых является человек. В связи с этим авангардную метафорику можно охарактеризовать как *антропоцентричную*. В современной гуманитаристике распространено представление о том, что искусство в целом и, в частности, литература

антропоцентричны: как указывает Е.Б. Витель, именно «антропоцентризм [является] основополагающим принципом эстетики» [6, с. 203], поскольку автор неизбежно преломляет в создаваемом тексте собственное мировоззрение. З.Ю. Петрова и Н.А. Фатеева также считают одной из ключевых характеристик «метафорической картины мира художественной литературы антропоцентризм» [19, с. 244]. Поскольку в настоящей работе фокус внимания сужается от области художественной литературы в целом до пространства поэзии авангарда и исследуются исключительно *поэтические* антропоцентричные метафоры, то в рамках их рассмотрения обнаруживается возможность обращения к идеям *поэтической антропологии*, концепция которой сформулирована В.П. Зинченко: «...поэтическая антропология должна понять, как поэты в слове являют образ мира, как они создают и разрушают мир» [9, с. 28]. С опорой на указанные позиции выделим несколько значимых для настоящей работы функций *антропоцентричной* метафоры: во-первых, позиционирование человека (субъекта) в поэтическом тексте, во-вторых, репрезентация подходов к конструированию образа мира и его со/противопоставления с образом человека в данных текстах.

Реализация второй из указанных функций сближает процессы метафоризации и мифотворчества; как отмечает П.Н. Барышников, «миф и метафора имеют единые механизмы, [эта] взаимосвязь принадлежит когнитивным основаниям языкового сознания человека, то есть сформированной языком концептуальной модели мира» [3, с. 11]. Описанные П.Н. Барышниковым корреляции, а также ключевые позиции основополагающей в данном исследовательском направлении концепции Э. Кассирера о взаимообусловленности мифа и метафоры (метафора есть продукт мифологического мышления и — одновременно — структурное ядро мифа [11, с. 33–34]), выступают основой для конкретизации возможных параллелей между антропоцентричными метафорами и мифологией. Антропоцентричные авангардные метафоры в таком случае могут быть рассмотрены как фрагмент *антропогонического мифа* авангарда; сужение контекста от антропологии к антропогонии при рассмотрении метафоры такого типа возможно при следующих допущениях: (1) если метафора — инструмент моделирования языковой картины мира, то онтологическая метафора (как вариант метафоры) — механизм создания образа человека (как компонента картины мира); (2) если для авангардистов акт создания текста приравнен к созданию нового мира, то конструирование образа человека в тексте может быть приравнено к процессу рождения человека (описываемому через понятие антропогонии). Таким образом, авангардная онтологическая метафора является не просто *антропоцентричной*, но и *антропогоничной*.

Другая особенность рассматриваемого круга метафор определяется спецификой центрального метафоризируемого «антропного» компонента. К числу наиболее распространенных в поэтических текстах авангарда компонентов такого типа относится Я — включенность Я-субъекта в большое количество авангардных метафор может быть описана через понятие *я-центризма*. Принимая во внимание возможную вари-

тивность контекстов использования данного понятия и опираясь на трактовки М. Н. Эпштейна («*“я-центризм”* [как] господство лирического героя» [28]), И. В. Породина (*я-центризм* может быть сопоставлен с *эго-центризм*, понимается как «способность... передавать многообразие отношений Я с окружающим миром» [20, с. 4]), А. Н. Андреева (*я-центризм* может быть рассмотрен как разновидность *персоноцентризма* (сильной позиции личности) или *индивидоцентризма* (доминирующей роли индивида) [1, с. 5]) и др., определим, что в рамках настоящей работы понятие *я-центризм* будет использовано в качестве характеристики поэтических текстов, содержащих метафоры, центральным компонентом которых является субъект, именуемый Я.

Такого рода я-центричные метафоры — автометафоры — соотносимы не просто с процессом сознания, а, конкретнее, с актом поэтического само-о-сознания; по мнению, Н. Д. Арутюновой, термином *автометафора* может быть определена «метафорическая самоидентификация поэта, проливающая некоторый свет на психологию творчества» [2, с. 30]. С вниманием к данной специфике автометафор и с учетом отмеченных ранее особенностей антропоцентричных метафор (разновидностью которых являются автометафоры) обозначим позиции, требующие отдельного рассмотрения в ходе исследования автометафор, — это характер поэтической самоидентификации, принципы отбора компонентов, сопоставляемых с Я, традиции «вписывания» человека (Я) в пространство мира. Для обозначения комплекса представлений о субъекте, задаваемого автометафорами в рассматриваемых поэтических текстах, и, в продолжение развития идеи о наличии корреляций между метафорой и мифологией, может быть введено следующее условное наименование описываемого феномена — *автоантропогонический* миф авангарда.

Специфика этого феномена определяется распространенностью некоторых повторяющихся разновидностей автометафор в авангардной поэзии. На основе базовых структурных моделей метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона «инфляция — это человек» [14, с. 60], «гора — это человек» [14, с. 91], сводимых к универсальной формуле «объект / идея — это человек», сконструируем несколько моделей, релевантных для описания авангардной поэзии. Поскольку в фокусе внимания находятся автометафоры, уточним именование субъекта — не просто *человек*, а Я, а в качестве со/противопоставляемых в контексте метафоры компонентов введем понятия *феномен сознания (бессознательного)* и *мир (фрагмент мира)*. Рассмотрим подробнее каждую из получившихся структурных моделей в соотнесении с примерами из поэтических текстов¹.

¹ Для рассмотрения в рамках настоящего исследования были отобраны исключительно автометафоры, в центре которых находится авторское Я. Автометафоры, включенные в прямую речь обозначаемых в поэтических текстах героев, а также иные автометафоры, соотнесение которых с авторским Я проблематично, не были включены в круг рассмотрения.

Метафора «феномен сознания (бессознательного) – это Я»

Интерес к пространству ментального, описываемому через понятия сознания и бессознательного, был устойчивым у многих поэтов-авангардистов. Этому феномену посвящены исследования Д.Л. Шукурова, характеризующего поэтическое мировоззрение А. Крученых через идею «поглощенности сознания иррациональным началом» [27, с. 19], А.В. Гарбуза, указывающего на частотность «противопоставления рассудка “сумеркам души”» и упоминания «подсознательного “Я”» в поэтических текстах В. Хлебникова [7, с. 212], М.Б. Мейлаха, определяющего специфику поэтики А. Введенского через особый характер сочетания репрезентируемых в текстах детерминированных и недетерминированных механизмов сознания [18, с. 14], и др. Отражение отмеченных тенденций в различных поэтических текстах русского авангарда происходит в том числе на уровне метафорики и реализуется за счет метафоризации компонентов, обозначающих факты сознания, ментальные операции, продукты бессознательного и т.д. Включаемые в состав авангардных поэтических автометафор феномены сознания и бессознательного разнообразны и достаточно разнородны, но их группировка возможна с опорой на следующие варианты структурных моделей метафор.

1. «Сознание – это Я».

Автометафоры такого типа раскрывают идею со/противопоставления субъекта с сознанием (инструментом сознания), в большинстве случаев описываемым через понятие *разум*, при этом чаще в подобных автометафорах фиксируется отсутствие или девиантный характер сознания (безумство), например: «Точно *разум знавший вывих*... я теперь пришел» (Д. Бурлюк) [4, с. 309], «я, Мой *отвлеченный строгий рассудок*, Есть корень из *нет-единицы*» (В. Хлебников) [25, с. 348], «что говорю, *безумный хризостом*, Не *ве* я» (Б. Лившиц) [15, с. 121] и др. В автометафорах такого типа можно наблюдать, с одной стороны, сужение границ личности (именуемой «я») до границ отдельного фрагмента этой личности, а именно ее разума / рассудка / сознания, с другой стороны, утверждение идеи разрушения и этого метафоризируемого фрагмента личности через указание на безумство. Таким образом, Я-субъект, находящийся в центре метафоры, не только теряет антропные характеристики за счет сужения границ образа, но и в принципе оказывается несуществующим (такой вывод возможен с опорой на формулу Р. Декарта «я мыслю, следовательно, я существую»: описывая центральный компонент, условно соответствующий первой части декартовской формулы, через конструкцию «я – мышление (сознание), не способное мыслить (безумное)», выводим вторую часть формулы – «следовательно, я не существую»). В данном случае определенная степень дегуманизации Я-субъекта оказывается специфической чертой рассматриваемо-

го типа автометафор, в то время как степень проявленности другой черты, обозначенной как «сужение границ» образа субъекта, усиливается в контекстах реализации двух следующих структурных моделей автометафор.

2. «Продукт сознания (мысль) — это Я».

В ряде поэтических текстов авангарда компонентом автометафор, соотносимым с Я, становится не просто *сознание*, а конкретная *мысль* / *идея* / *продукт сознания*, при этом в данном контексте характерно использование минус-приема — встраивание в автометафору в качестве второго компонента «мысли об отсутствии мысли», как в следующих контекстах: «Я *лесть без смысла*, Я *песнь немизн*» (В. Хлебников) [24, с. 19], «Я *господин свободных мыслей*. Я *царь бессмысленных красот*» (Д. Хармс) [23, с. 278], «Мне страшно что я *неизвестность*» (А. Введенский) [5, с. 185] и т. п. Как отмечает Т. В. Цвигун, данный прием специфичен для позднеавангардистской поэзии и отражает раскрывающееся в текстах обэриутов «совмещение “альтернативных” миров в позиции “я” субъекта речи» [26, с. 101]; наличие в настоящем разделе единичных примеров раннеавангардистской поэзии не противоречит данному тезису, а лишь свидетельствует о том, что реализуемая через автометафоры тенденция сужения образа Я-субъекта до границ сознания и, далее, отдельных фрагментов и продуктов сознания эволюционировала на протяжении различных этапов развития авангардной поэзии.

3. «Продукт бессознательного (эмоция) — это Я».

Еще одним распространенным путем сужения границ Я в рассматриваемом корпусе текстов является метафоризация субъекта через соотнесение с компонентом, обозначающим продукт бессознательного. Об этом свидетельствуют различные примеры реализации идеи метафорического уподобления субъекта продуцируемой им эмоции, например: «Я *светлой радости ручей*» (Д. Хармс) [23, с. 278] или «я, *верх неги*» (В. Хлебников) [24, с. 371]; однако чаще метафорическое осмысление эмоционального опыта происходит за счет сопоставления Я-субъекта с негативной эмоцией, ср.: «я, *весь боль и ушиб*» (В. Маяковский) [17, с. 106], «я *понял, что гнев я*» (В. Хлебников) [24, с. 338], «я *катастрофы красноты*» (Д. Бурлюк) [4, с. 284] и др. Если допустить, что автометафоры могут быть рассмотрены как результат самономинации (являющейся разновидностью аутокоммуникации), то наличие метафор описанного типа будет свидетельствовать о склонности авангардных Я-субъектов к разрушающей (а не поддерживающей) аутокоммуникации.

В целом стремление поэтов-авангардистов к включению в структуру автометафор компонентов, связанных с областью ментального (сознания / бессознательного), свидетельствует о рефлексивном подходе к конструированию антропогонического (автоантропогонического) мифа: моделируемый средствами метафоры образ Я-субъекта становится продуктом рефлексии, в связи с чем может быть отмечен рефлексивный характер авторского Я в рассмотренном круге текстов.

Метафора «мир (фрагмент мира) — это Я»

Вторая наиболее распространенная модель автометафор, реализуемая в поэтических текстах русского авангарда, содержит в качестве компонента, сопоставляемого с Я, обозначение окружающего мира (в целом или в виде отдельного элемента / фрагмента). Идеи растворения человека в мире и, напротив, присвоения мира человеком значимы для авангарда; так, рассматривая поэтические тексты А. Введенского в контексте первой из указанных идей, О.А. Темиршина приходит к выводу о возможности выделения в авангардном дискурсе «особого типа субъекта, растворенного в мире» [21, с. 127], а в контексте осмысления второй идеи — присвоения мира человеком — Ю.Н. Гиндин отмечает, что при ее реализации в искусстве авангарда «наивысшей точкой сути мира [будет] завершение в огромном “я” миллионов единиц» [8, с. 14]. В таком случае Я в структуре авангардных автометафор может быть приравнено к миру в целом или расчленено на «миллионы единиц», составляющих образ мира. Степень вариативности в выборе компонентов, условно описываемых в структурной модели метафоры понятием «мир (фрагмент мира)», достаточно велика, однако круг автометафор, содержащих данные компоненты, может быть представлен с опорой на следующие обобщенные модели.

1. «Пространство мира — это Я».

Автометафоры, в которых Я выходит за рамки субъекта и расширяется до границ определенного пространства, могут быть описаны не только как онтологические, но и как ориентационные, поскольку в них сочетается специфика обоих указанных типов: с одной стороны, модель «пространство — это Я» повторяет модель онтологической метафоры «объект / идея — это человек», а также может быть соотнесена с онтологической метафорой вместилища (в силу того что пространство может обладать характеристикой замкнутости / разомкнутости, наличие которой свойственно компоненту-вместилищу), с другой стороны, поскольку такого рода автометафоры реализуют в том числе миромоделирующую функцию, они могут быть соотнесены с ориентационными, механизм организации которых предполагает осмысление пространственных координат. Характер компонентов-пространств, сопоставляемых с Я в такого рода автометафорах, разнообразен: в контекстах типа «Я горизонтный мирокруг» (В. Каменский) [10, с. 83], «Я ночей стооких зной, Я обруч на лице чела речной» (В. Хлебников) [24, с. 121] Я, максимально расширяясь, соотносится с пространством природы, в других случаях Я может приравниваться к отдельным географическим объектам-компонентам пространства (причем как природного, так и урбанистического), например: «Я гора, а ты песок» (Д. Хармс) [23, с. 129], «Я сжатое поле!..» (В. Хлебников) [24, с. 298] или «я — озноенный июльский тротуар» (В. Маяковский) [17, с. 52]. Также Я может выступать как отражение конкретного (реального) географического пространства, например: «Я был Дунаем» (В. Хлебников) [24, с. 351], «я — Уральских стран золота»

(В. Каменский) [10, с. 81] и др. Все представленные примеры свидетельствуют о диффузности границ образа Я-субъекта, включаемого в структуру авангардных автометафор, и фиксируют в большинстве случаев тенденцию значительного расширения этих границ.

2. «Материал мира – это Я».

Данная модель реализуется в различных контекстах, где Я метафоризируется как субстанция (материал мира), типа «Я стал куском почти сплошным цемента» (Д. Бурлюк) [4, с. 274], «Я же пар паровоза поезда» (В. Хлебников) [25, с. 242], «Я грязь за когтем, Я пахну дегтем» (В. Каменский) [10, с. 66]. Повторяющимся мотивом, реализуемым в подобных контекстах, является мотив изменения агрегатного состояния метафоризируемого вещества / субстанции, например: «Я брагою в ней закипаю, Как хмель пустоты» (В. Хлебников) [25, с. 241], «Я пепсин для жвачки и мандрил Пенюшь до потери сил» (А. Крученых) [13, с. 108] и т.п. Анализируя данный и подобные поэтические тексты А. Крученых, Е.В. Тырышкина отмечает достаточно высокую степень распространенности контекстов, в которых происходит метафоризация «веществ, которые продуцирует лирический субъект-Поэт» [22, с. 311]; рассмотрение широкого круга текстов позволило сделать вывод о распространенности и устойчивости структуры метафор такого типа в авангардной поэзии в принципе. Уподобление Я материалу мира (субстанции / веществу), способному к изменению состояния, фиксирует наивысшую степень диффузности Я – не только в процессе расширения / сужения до границ сопоставляемого образа, но и внутри контекстов бытования Я в этом образе.

3. «Компонент мира – это Я».

Третья структурная модель предполагает наибольшую вариативность в выборе компонентов сопоставления: в качестве «компонента мира», к которому приравнивается Я, могут выступать как одушевленные элементы (жители мира), например: «когда-то был и я зверьем сохатым» (Д. Бурлюк) [4, с. 274], «я, заморский страус» (В. Маяковский) [17, с. 130], «я рыба в ящике пространства» (Д. Хармс) [23, с. 210], так и неодушевленные компоненты, входящие в поэтическую картину мира автора, например: «Не-вин-ной детской костки Я волчий глаз» (А. Крученых) [13, с. 80], «Я сидел и я пошел как растение на стол» (А. Введенский) [5, с. 161], «Все люди бедны. Я тулуп» (Д. Хармс) [23, с. 118]. В подобных контекстах Я сужается до границ второго метафоризируемого компонента и растворяется в мире, воплощаясь в этом компоненте. Такой тип метафоры фиксирует как наиболее традиционные (в контексте русской литературы) примеры метафоризации (например, Я – зверь), так и специфичные для авангарда, построенные, в частности, на принципах абсурда (Я – тулуп).

Выводы

Рассмотрение автометафор, представленных в авангардных поэтических текстах, через соотнесение с описанным кругом структурных моделей позволило выделить несколько типологических особенностей,

определяющих специфику антропогонического (автоантропогонического) мифа русского авангарда: (1) ключевая позиция Я в круге «антропных» компонентов (я-центризм); (2) рефлексивный характер авторского Я, раскрывающийся в автометафорах, составляющих ядро антропогонического мифа; (3) особый подход к конструированию образа человека (Я), который строится на идее самоидентификации в ситуации соотнесения Я с метафоризируемыми компонентами различного характера (наиболее распространенные типы компонентов — (а) сознание (феномен сознания / бессознательного) и (б) мир (фрагмент мира)); (4) диффузность границ конструируемого через метафоры образа Я-субъекта — способность как сужаться, собственно, до границ этого субъекта (тогда субъект приравнен сам себе и даже, конкретнее, фрагменту своего сознания), так и расширяться в ситуации сопоставления с миром (или фрагментом мира).

Список литературы

1. Андреев А.Н. Персоноцентризм в русской литературе XX века : монография. Минск, 2012.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990. С. 5—32.
3. Барышников П.Н. Миф и метафора: опыт междисциплинарного анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.
4. Бурлюк Д., Бурлюк Н. Стихотворения. СПб., 2002.
5. Введенский А. Полн. собр. произвед. : в 2 т. М., 1993. Т. 1.
6. Витель Е.Б. Культурологическая перспектива антропоцентрической идеи // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. №3. С. 201—206.
7. Гарбуз А.В. Молния, бабочка и волна в сети мифопоэтической логики // Творчество В. Хлебникова и русская литература. Астрахань, 2005. С. 207—216.
8. Гиндин Ю.Н. Масса versus индивидуум // Теория художественной культуры. 2013. №9. С. 2—25.
9. Зинченко В.П. Возможна ли поэтическая антропология? М., 1994.
10. Каменский В. Стихотворения и поэмы. Л., 1966.
11. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры : сб. / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990. С. 33—44.
12. Крученых А. Новые пути слова // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания. М., 2000. С. 30—45.
13. Крученых А. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб., 2001.
14. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
15. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Люди в пейзаже. Автобиография. СПб., 1989.
16. Маслова Ж.Н. Метафора, метонимия и символ в когнитивной поэтике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. №2. С. 130—134.
17. Маяковский В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1955. Т. 1.
18. Мейлах М. «Что такое есть потец?» // Введенский А.И. Полн. собр. произвед. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 5—43.
19. Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Персонификация судьбы в метафорической картине мира русской литературы (по данным «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX—XXI вв.») // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2024. №1. С. 243—262.

20. Породин И. В. Лингвопоэтические средства выражения эгоцентрической точки зрения в литературном тексте : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
21. Темиришина О. Р. «Малая эсхатология» А. Введенского: посмертный путь души в «Седьмом стихотворении» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2023. №3. С. 120–133.
22. Тырышкина Е. В. «Тут из пенки слоны моей чилистейшей...» А. Крученых: Трансформация мифа о Венере Анадиомене // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2021. С. 308–312.
23. Хармс Д. Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб., 1997. Т. 1 : Стихотворения.
24. Хлебников В. Собр. соч. : в 6 т. М., 2000. Т. 1.
25. Хлебников В. Собр. соч. : в 6 т. М., 2001. Т. 2.
26. Цвигун Т. В. Метафора и метонимия как риторические модели русского авангардизма 1910–1930-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008.
27. Шукуров Д. Л. Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда первой трети XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2007.
28. Эпштейн М. Н. Поэтическое так относится к стихам, как религиозное — к обряду // Формаслов. 2020. 15 мар. URL: <https://formasloff.ru/2020/03/15/mihail-epshtejn-poeticheskoe-tak-otnositsya-k-stiham-kak-religioznoe-k-obryadu/> (дата обращения: 15.08.2025).

Об авторе

Лада Александровна Лучинина — асп., ст. преп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: LaLuchinina@kantiana.ru

AuthorID: 1245543

ORCID: 0009-0007-7461-352X

L. A. Luchinina

THE ANTHROPOGONIC MYTH OF THE AVANT-GARDE AND POETIC AUTOMETHAPHORS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 17 October 2025

Accepted 28 November 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-3-8

To cite this article: Luchinina L. A. 2026, The anthropogonic myth of the avant-garde and poetic automethaphors, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 75–85. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-3-8.

The article presents an attempt to interpret certain aspects of the anthropogonic myth of the Russian avant-garde as realized at the level of metaphorical structures of avant-garde poetic texts. The study employs the analytical framework of the cognitive theory of metaphor; a corpus of anthropocentric metaphors is analyzed in detail, with particular attention paid to automethaphors (metaphors with a central I-component). Two approaches to metaphorizing the image of the subject (I), most frequently realized in avant-garde poetic texts, are examined: through correlation with components of the mental sphere (phenomena of consciousness / the unconscious) and through identification with the world (or a fragment / component of the world). Based on the results of the study, structural models of metaphors relevant for describing I-centered avant-garde poetic texts are constructed: “consciousness is I,” “product

of consciousness (thought) is I," "product of the unconscious (emotion) is I," "space of the world is I," "material of the world is I," "component of the world is I." The article also formulates conclusions concerning the specific features of the anthropogonic (autoanthropogonic) myth of the avant-garde constructed through the use of autometaphors. Its most prominent characteristics include the reflexive nature of the authorial I, the diffuseness of the boundaries of the I, and the wide variability of the manifestations of the I within the space of poetic texts.

Keywords: avant-garde, autometaphora, I-centrism, ontological metaphors, anthropogonic mythology

The author

Lada A. Luchinina, PhD student, senior lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: LaLuchinina@kantiana.ru

AuthorID: 1245543

ORCID: 0009-0007-7461-352X